

RU

«Провинциальная литература» в ситуации культурного перехода

Никонова Т. А., Тернова Т. А.

Аннотация. Настоящая статья посвящена осмыслению оппозиции «провинциальное/столичное» в динамике культурного развития. В связи с этим авторы обращаются к обширному литературному материалу (творчество А. П. Чехова, Пролеткульта, лирическая проза и др.) и фактам истории и культуры («дело краеведов», Революция 1917 г. и т. п.). Цель исследования – выявить смысловое преломление категорий «столичное» и «периферийное» в переходные эпохи (рубежи XIX-XX и XX-XXI веков, 1920-е гг., оттепельный период). Научная новизна состоит в том, что статья написана на междисциплинарном поле литературоведения и культурологии, категории «столичное» и «периферийное» осмысляются в динамике, к анализу привлекается материал редкого издания – книги А. М. Топорова «Крестьяне о писателях». В результате исследования доказано, что в переходные эпохи «центр» и «периферия» меняются местами, и таким образом расширяется сфера эстетического, изучаемая целым рядом гуманитарных наук. Происходящие трансформации смыслового наполнения категорий «столичное» и «провинциальное» не просто отражаются литературой, но нередко фиксируются ею до момента их теоретического осмысления, которое не случайно происходит внутри переходных эпох.

EN

"Provincial Literature" in a Situation of Cultural Transition

Nikonova T. A., Ternova T. A.

Abstract. The paper is devoted to understanding the “provincial/metropolitan” opposition in the dynamics of cultural development. In this regard, the authors use extensive literary material (the creative work of A. P. Chekhov, Proletkult, lyrical prose etc.) and facts of history and culture (“The Local Historians’ Plot”, the Russian Revolution of 1917 etc.). The aim of the research is to reveal the interpretation of the meaning of the categories “metropolitan” and “peripheral” in transitional periods (the turn of the XIX-XX centuries and the XX-XXI centuries, the 1920s, the “thaw” period). The scientific novelty lies in the fact that the paper is written in the interdisciplinary field of literary studies and cultural studies, the categories “metropolitan” and “peripheral” are conceptualised in dynamics, the material of a rare edition, A. M. Toporov’s book “Peasants on Writers”, is involved in the analysis. As a result of the research, it has been proved that in transitional periods, the “centre” and “periphery” change places and in doing so, the sphere of the aesthetic, studied by a number of humanities, expands. The ongoing transformations of the meaning of the categories “metropolitan” and “provincial” are not just reflected in literature, but are often recorded by it until the moment of their theoretical comprehension, which happens during transitional periods for a good reason.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена осознаваемой современными гуманитарными науками задачей осмысления категорий *столичное* и *провинциальное*. Обращение к региональной проблематике в области культурологии (Мурзина, 2003; Куличенко, 2022), философии (Варава, 2011), литературоведения (Полякова, 2016; Житенев, Никонова, Фролова, 2011; Тернова, 2013) обусловлено запросом «неклассического» XX столетия в целом и его смысловых рубежей (1920-е гг., оттепель, рубежи XIX-XX и XX-XXI веков) на переосмысление констант человеческого присутствия в мире, во многом спровоцированным событиями общественного, внелитературного порядка (Революция 1917 г., оттепельные процессы). К настоящему моменту накоплен большой материал по исследованию региональной проблематики в литературе и культуре (см., например, труд (Лобачева, Бахор, Зырянова, 2019)), назрела необходимость глобального взгляда на проблему региональности в хронологической динамике.

Задачи, решаемые в ходе исследования: обозначить специфику смежных дефиниций, используемых при осмыслении проблемы провинциальности в литературе (региональная, центральная и столичная литература), выявить их смысловое соотношение; осмыслить развитие категорий *столица/провинция* в культуре и литературе.

Применяются описательный, историко-литературный методы литературоведческого анализа.

В качестве источников иллюстративного материала использовались следующие издания:

Топоров А. М. Крестьяне о писателях: опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы: с портретами крестьян-критиков. М.: Госиздат, 1930.

Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1969. Т. 8.

Теоретической базой исследования являются работы, в которых осмысливается феномен переходности в культуре (Ахиезер, 2000; Искусство в ситуации..., 2002), обозначается междисциплинарный подход к осмыслению региональности (Топоров, 2003; Анциферов, 1922; Московская, 2016), осмысливается специфика культуры переходных периодов (Корниенко, 1999; Славникова, 2001).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы могут быть использованы при осмыслении феномена провинциальности в литературе и культуре в междисциплинарном аспекте, а также в ходе преподавания истории русской литературы XX–XXI веков на разных уровнях обучения (бакалавриат, магистратура, аспирантура).

Основная часть

Сам факт существования регионального компонента в культуре не вызывает сомнений. Многочисленность дефиниций, так или иначе характеризующих специфику региональности в культуре, убеждает, с одной стороны, в том, что явление существует и в целом описано, а с другой стороны, что его бытование требует осмысления. Значимо участие в этом процессе всего комплекса гуманитарных наук. Выработка специальной методологии изучения регионального компонента культуры является «миссией историка, владеющего искусством филологического исследования» и «филолога, способного конкретно исторически и социально мыслить» (Полякова, 2016, с. 8). «Текст культуры» должен быть осмысливаем в непосредственной связи с «текстом бытия» (Варава, 2011, с. 30).

Необходимость осмыслить феномен провинциальности и его трактовку в динамике проистекает из того непреложного факта, что в основе культуры лежит феномен коммеморации, обеспечивающий взаимообусловленность эстетической и социальной реальности (Житенев, Никонова, Фролова, 2011).

Остановимся на наиболее частотных коннотациях в рамках обсуждаемой проблемы провинциального в динамике культурного развития.

Определение *региональная литература* предполагает территориально-оценочное противоположение – *центральная, столичная*. И если говорить в территориальном плане, то нетрудно заметить, что различия между провинциальным и столичным писателем все еще сохраняют для русского человека XX века выраженный регламентирующий характер, возможно, и в силу роста центростремительных интенций завершившегося столетия. И для таких различий и оценок есть вполне реальные основания.

Нельзя утверждать, что противостояние *столица/провинция* как оценочно-смысловое противостояние сложилось лишь в XX веке. Оно имеет свою давнюю историю и устойчивые житейские коннотации. *Центр*, по глубокому убеждению провинциалов, всегда открывает возможности для образования, личностного роста, делает жизнь человека яркой, интересной. Соответственно, жизнь на периферии воспринимается как пустая, не наполненная событиями, в ряде случаев неосмысленная. Такой оценки периферии, многократно зафиксированной литературой, укорененной в житейской практике, нельзя сбрасывать со счетов. Пример из числа легко приходящих на память – герои А. П. Чехова. Персонажи его драматургии остро ощущают гибельность своей провинциальной жизни («Иванов», «Три сестры», «Вишневый сад»). Руководствуясь этой же логикой, уезжает в Петербург героиня позднего рассказа «Невеста» (1903). Надя «едет на волю, едет учиться», «и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила её» (Чехов, 1969, с. 501). В сознании героини антонимическая пара *столица/провинция* включала эмоциональное противостояние простора и тесноты, жизни и умирания.

То, что чеховская героиня ощущает как борьбу нормативного и нового, современная гуманитарная наука рассматривает как один из механизмов развития, как непрменные составляющие ситуации перехода, которую она приравнивает «к выходу за границы картины мира как культуры и переходу в иное состояние» (Искусство в ситуации..., 2002, с. 21). Так ученый-культуролог описывает *переход* – междисциплинарный феномен, возникающий в периоды разрушения прежней картины мира, требующей обогащения прежних ментальных систем новым контентом. А. С. Ахиезер (2000) фиксирует происходящее в современной культуре изменение понимания переходности: его однозначная трактовка: «от простого к сложному, от старого к новому» (с. 8) – заменяется другой, не предполагающей жесткой оценочности. Феномен *переходности* во многом определяется тем, что центр и периферия меняются местами, и таким образом расширяется сфера эстетического, изучаемая целым рядом гуманитарных наук. Не случайно явления культуры переходных эпох в ряде случаев могут осмысливаться с использованием общегуманитарной терминологии, например через категорию (Тернова, 2013).

В нашу задачу не входит развернутый обзор научных идей, которые сложились в результате междисциплинарных исследований. Остановимся на тех, которые имеют отношение к предмету нашей статьи. Несомненный интерес представляет идея саморазвития культуры, фиксирующая мысль «о прорыве искусства

к своим автономным по отношению к культуре структурам и стихиям, когда его развитие больше не определено жесткими культурными ориентациями и оно обретает свободу» (Искусство в ситуации..., 2002, с. 21). Обратим внимание на важное для нас основание ситуации перехода, отмеченное Н. А. Хреновым, – саморазвитие искусства, обретающего свободу. В итоге исследователь сближает *переход*, *переходность* с устоявшимся термином *развитие*, движением от одной стадии к другой, иногда дающим непредсказуемый результат. С его точки зрения, в эпоху *перехода* включается отмеченный им механизм саморазвития, который связывает феномен переходности не только с историей, но и культурой.

Феноменом *переходности* отмечены эпохи рубежа веков, формирующие новую картину мира, меняющие ее пространственно-временные параметры, антропологические представления. Следует заметить, что этот вывод нельзя отнести к числу принципиально новых, ранее не известных гуманитарной науке. Значение междисциплинарных исследований *переходности* видится в комплексном рассмотрении проблемы, в понимании культуры как взаимодействия «множества имеющих место внутри нее субкультур», которые в процессе перехода не только меняют место по отношению к центру, но и получают новые оценки.

В качестве субстрата культуры в переходные периоды нередко выступает провинциальная культура/литература, хранящая память о традициях, устоявшемся быте, – всё том, что нередко воспринимается за границами культуры. И нужны условия, при которых память, обряд, хранящиеся в фольклоре, в мифе, в народном быте, станут восприниматься как культура.

Ярким примером актуализации местной, областнической культуры является взрыв интереса к фольклору в конце XIX века, повлекший за собой рождение хоровых, театральных коллективов, волну интереса к фольклору, народной мифологии. Все эти феномены, сохраненные народной памятью и народным бытом, вызвали к жизни новые области научного знания, наблюдения и выводы, выходящие за пределы конкретных наблюдений. Расцвет компаративистики, научное изучение фольклора, лингвистические теории, философские системы – результат этого обновления культурного и научного знания, яркий пример гуманитарного саморазвития, взаимодействия классического и «неклассического» типов художественного сознания.

В первые послереволюционные годы литература и культура регионов сохраняли полученную интенцию развития в активной культурнической работе на местах. Из истории советской литературы известно, что в годы Гражданской войны чрезвычайное распространение получило движение с вполне революционным названием – Пролеткульт (Пролетарская культура). Его деятельность была всеохватной, стиравшей, по законам революционного времени, территориально-оценочные характеристики, но говорить о значительных художественных достижениях пролетарской культуры времени Гражданской войны не приходится из-за сознательного отказа ее авторов от всех традиций.

Однако первые послереволюционные годы характеризовались не только рискованными заявками на принципиальную новизну. В провинции существовала и другая практика, сложившаяся в предреволюционные десятилетия. Внимание к народной культуре, к истории своего края было частью разносторонней просветительской работы, которую вела провинциальная интеллигенция в самых разных уголках большой страны. В качестве результативного примера такой просветительской деятельности назовем книгу А. М. Топорова (1930) «Крестьяне о писателях». Но если Пролеткульт в 1920 году был просто распущен, а его остатки переподчинены Народному комиссариату просвещения, то движение краеведов и просветителей на рубеже 1930-х годов неожиданно было подвергнуто суровому наказанию.

Причина была в том, что Пролеткульты заявляли о революционной переделке и мира, и культуры. А краеведы и просветители ориентировались на устоявшиеся традиции, на народную обрядность, на фольклор. Новая власть и ее идеологи оценивали быт как возможность сохранения прошлого. В таком контексте стремление сохранить культуру и историю своего края оценивалось как реакция и сопротивление прогрессу (революции). Поэтому смысловая пара *провинциальный/отсталый* актуализировала негативные коннотации, усилив их опасным определением «политически незрелый».

Хорошо организованное идеологическое наступление на провинцию и старый быт отмечено «делом краеведов» (1930-1931) в Центрально-Черноземной области (ЦЧО). «Центр» продиктовал провинциальной культуре, какой ей следует быть. В обвинительном заключении грозные определения переводили краеведческую работу из области науки и культуры в сферу идеологии и политики. Возникшее в «живой жизни» движение, целью которого было возвращение забытых пластов народной культуры, было ограничено рамками кружковой деятельности «Общества краеведов-марксистов» (ОКРАМ) Комакадемии, которому пришлось озоботиться лишь тем, чтобы не превратиться в туристическую контору.

Не менее горестной была и судьба редкой книги А. М. Топорова «Крестьяне о писателях». Первый и единственный в мире опыт живой, неискаженной критики крестьян-читателей, высоко оцененный и в СССР, и за рубежом, по свидетельству современного исследователя, был квалифицирован «как одно из неподконтрольных явлений, сформировавшихся в традициях народничества и просветительства 1900-х годов» (Корниенко, 1999, с. 141). В 1937 году А. М. Топоров был репрессирован.

Причины несостоявшегося постреволюционного *перехода* очевидны. Вместо ожидаемого саморазвития культуры произошла «организационная перестройка», приведшая к несомненному обеднению и культуры, и науки.

Изменения в сложившуюся ситуацию с провинциальным контентом литературы внесла «оттепель» 1960-х годов. Первым вестником перемены стала «лирическая» проза, вернувшая в культурный обиход XX века образ *малой родины*. Можно сказать, что с «лирической прозы» началось возвращение в большую литературу

«местнографических» материалов – записей фольклорных экспедиций, разысканий краеведов, собственно филологических исследований творчества писателей, так или иначе связанных с историей родного края. В литературном процессе 1960-х годов мы с полным правом можем говорить о действии принципа саморегуляции, в результате чего литература большой страны обрела новое художественное качество. В контексте возросшего интереса к «местнографической» литературе оформилась перспективная проблематика и в литературоведении. Ее зафиксировали работы В. Н. Топорова (2003), оформившиеся позже в книгу его статей «Петербургский текст русской литературы».

Новый термин, введенный В. Н. Топоровым (2003) в научный обиход в 1990-е годы, был междисциплинарным, включая связи литературы и ее феноменов с «природной, материально-культурной, духовно-культурной и исторической сферами» (с. 5). «Петербургский текст» получил широкое бытование, вызвав к жизни многочисленные «локальные тексты». Так возникли «пермский», «крымский», «орловский» и пр. тексты, изучавшие «местную» культуру. По их образцу с опорой на тематический или мотивный принципы анализа были образованы «элизийский», «венетский» и прочие тексты. Такая популярность «текстотворения» отвечала потребности научного и культурного сообществ в обновлении аналитического поля. В этот раз «ситуация перехода» закончилась появлением нового междисциплинарного инструментария, нового термина, с помощью которого культурологи-гуманитарии получили возможность описать феномены провинциальной культуры.

Однако у В. Н. Топорова, представившего Московско-тартускую семиотическую школу, были предшественники в изучении «локальных» текстов. В 1922 году издательством «Брокгауз – Ефрон» было опубликовано исследование Н. П. Анциферова (1889-1958) (1922), которое он, по его собственному слову, «решился назвать “Душа Петербурга”» (с. 17).

«Душа Петербурга» угадана Н. П. Анциферовым удивительно верно, изображена с убедительной цельностью в прекрасно понятом единстве таинственного лика Северной Пальмиры на фоне грандиозной истории города “трагического империализма”, – писал в Предисловии к книге Н. П. Анциферова (1922, с. 11) его учитель, профессор-историк, графовец И. М. Гревс (кстати, уроженец Воронежской губернии), фиксируя принципиальную новизну работы своего ученика. Д. С. Московская (2016, с. 25) отмечает, что идеи Н. П. Анциферова во многом были спровоцированы духом времени 1920-х гг. со свойственным этому периоду мифологизмом.

Отметив поэтичность формулы «душа Петербурга» Н. П. Анциферова, тему его кандидатской диссертации «Проблема урбанизма в художественной литературе» (1944), в качестве предшественников современного этапа изучения «локальных» текстов обратимся к еще одной важной фигуре в отечественной науке и просвещении – к Н. Ф. Федорову (1829-1903). Любая местность, по мнению религиозного философа, обладает своей культурной и исторической памятью, и это достаточное основание для изучения истории и культуры родного края, материальные следы которых должны аккумулироваться в музеях, библиотеках, стать основой просветительской работы. Цель такой деятельности можно обозначить федоровским термином *отечествоведение*. Он удивительно современен, вписывается в национальную традицию изучения народной культуры – естественной и необходимой части истории страны.

Приведенные нами примеры показывают, сколь плодотворным может быть сотрудничество так называемой «провинциальной» (областной, региональной, местной и пр.) литературы со своим временем, с общественными запросами. Многое в этом отношении было сделано во второй половине XX века фольклористами, этнографами, культурологами, писателями и т. д.

Широкое изучение «локальных» текстов привело к возникновению различных терминов для их обозначения, унификация которых, по нашему убеждению, едва ли имеет смысл. Каждый из них возникал с целью привлечения внимания к вводимому в научный обиход материалу, давал ему первоначальную адресацию. Однако вслед за введением локального материала всегда следует переход через «местнографическую» границу, выход к общекультурным обобщениям. Феномен «провинциальной» литературы, как бы она ни называлась в конкретных исследованиях, по нашему мнению, состоит в ее накопительном, промежуточном характере. Начиная с описания фактов и явлений, включенных в бытовую, этнографическую конкретику, исследователь переходит от собирательства к обобщению, к выяснению связей горизонтальных (к литературам «региональным», «областным», «локальным» и пр.), которые дают ему возможность увидеть многоцветье традиции более широкого временного и культурного планов. Теоретическое осмысление провинциальности происходит позже – когда литературой уже отражены и накоплены произошедшие мировоззренческие трансформации. В этом случае вступает в силу идея «вечного возвращения», которую отметили современные исследователи. Эпохи рубежа веков в такой интерпретации в известной мере строятся по общему принципу. Рубеж XX-XXI веков возвращает к рубежу XIX-XX веков, в котором, в свою очередь, легко обнаружить те или иные традиции рубежа XVIII-XIX веков.

Не стал исключением и рубеж XX-XXI веков, «ибо мир снова переживает переход, что, например, жестко формулируют постмодернисты, проводя резкую границу между модерном, с одной стороны, и постмодерном – с другой. <...> Может быть, переходность рубежа XX-XXI веков на самом деле можно рассматривать лишь продолжением переходности, начавшейся на рубеже XIX-XX веков?» (Искусство в ситуации..., 2002, с. 6) – обозначают проблему современные теоретики культуры, оставляя открытым поле деятельности «провинциальной» литературе, ее живой жизни.

В современном литературоведении имеют место две тенденции. Следуя закону «вечного возвращения», цикличности развития культуры, они на новом материале, в новых условиях фиксируют устоявшуюся традицию. Одна, знакомая, тенденция состоит в констатации (даже в новых культурных реалиях!) провинциальной косности, замкнутости. Современный прозаик О. Славникова (2001) в статье «Урок географии», помещенной в иронической рубрике «Терпение бумаги», говорит, кажется, об очевидном: «Одаренный человек,

проживающий в областном городе или в поселке городского типа, оторван от актуальной информации, от книжных новинок, не имеет полноценной развивающей среды» (с. 179).

Однако ее статья, открывшаяся по-журналистски броской фразой, свидетельствует об ином, уже не культурологическом, а суетном: «Провинциальность, взятая вне географических реалий, есть попытка повторить чужой успех. <...> ...инерция читательских предпочтений, а главное, денег, работающих в издательском бизнесе, задает провинциальность, провинциальность и еще раз провинциальность» (Славникова, 2001, с. 179).

Если первое замечание о культурном одиночестве провинциального писателя фиксирует его культурный вакуум, то ее дальнейшие размышления уже не связаны с локальными приметам. «Сегодня некоторые мифы постепенно развеиваются, – замечает О. Славникова (2001, с. 179). – Столичные издательства и редакции толстых журналов буквально прочесывают провинцию в поисках авторов». «Центр» и «периферия» в очередной раз поменялись местами, но едва ли дали новое качество. Современная провинциальность так и остается синонимом клонирования чужого успеха, стремлением попасть в след модного, следовательно, продаваемого опыта. Задачу сбережения «собственного центра» (О. Славникова) сменил поиск коммерческого успеха. Вывод не новый, свидетельствующий, по нашему мнению, об одном: современная литература – в новом поиске смысловых и художественных парадигм, в процессе очередного перехода.

Заключение

Итак, в результате исследования можно сделать вывод о том, что в переходные эпохи центр и периферия меняются местами, и таким образом расширяется сфера эстетического, изучаемая целым рядом гуманитарных наук.

На рубеже XIX-XX веков *провинциальное* и *столичное* понимаются в бытовом и культурном смысле. Провинциальное трактуется как статичное, бессобытийное, центр осмысляется как источник и средоточие эстетически наполненной культурной жизни. В 1920-е гг. антитеза *столичное* и *периферийное* переосмысливается в политическом ключе, декларируется идеологическое доминирование центра. В период оттепели устанавливается равновесное соотношение *провинциального* и *столичного*, спровоцированное духом времени. В новейший период фиксируется коммерциализация культурной жизни, что существенно снижает роль провинциального в культуре. Происходящие трансформации смыслового наполнения категорий *столичное* и *провинциальное* не просто отражаются литературой, но нередко фиксируются ею до момента их теоретического осмысления, которое не случайно происходит именно внутри переходных эпох.

Перспективы исследования проблемы состоят в дальнейшем изучении функционирования категорий *столичное* и *провинциальное* в литературе и культуре.

Источники | References

1. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1922.
2. Ахиезер А. С. Переходные процессы в культуре (Введение в анализ специфики русской культуры). М.: Государственный институт искусствознания, 2000.
3. Варава В. Текст культуры и текст бытия (к вопросу о метафизической уникальности «Воронежского текста») // «Воронежский текст» русской культуры: сб. ст. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011.
4. Житенев А. А., Никонова Т. А., Фролова А. В. Культурная провинция как объект научного изучения. Вместо предисловия // «Воронежский текст» русской культуры: сб. ст. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011.
5. Искусство в ситуации смены циклов: междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2002.
6. Корниенко Н. В. Массовый читатель 20-30-х годов // Москва. 1999. № 6.
7. Куличенко Т. В. Культурный ландшафт города Саратова: дисс. ... к. культ. Саратов, 2022.
8. Лобачева В. С., Бахор Т. А., Зырянова О. Н. Локальные тексты русской литературы и культуры: уч. пос. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2019.
9. Московская Д. С. Локальный метод Н. П. Анциферова и актуальные задачи филологической регионалистики // «В краю отеческой привязанности»: образы и легенды Центрального Черноземья в литературе XX века: мат. всерос. науч. конф. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016.
10. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: автореф. дисс. ... д. культ. Екатеринбург, 2003.
11. Полякова Л. В. Регион как источник творчества и объект в литературе // «В краю отеческой привязанности»: образы и легенды Центрального Черноземья в литературе XX века: мат. всерос. науч. конф. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016.
12. Славникова О. Урок географии // Октябрь. 2001. № 12.
13. Тернова Т. А. Провинциальность как эстетический код русской литературы XX века: к постановке проблемы // Провинциальность как эстетический код литературы XX века: сб. ст. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013.
14. Топоров В. Н. Петербургский текст русской культуры: избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003.

Информация об авторах | Author information**RU****Никонова Тамара Александровна**¹, д. филол. н., проф.**Тернова Татьяна Анатольевна**², д. филол. н., доц.^{1,2} Воронежский государственный университет**EN****Nikonova Tamara Alexandrovna**¹, Dr**Ternova Tatiana Anatolyevna**², Dr^{1,2} Voronezh State University¹ tam-nikonova@yandex.ru, ² ternova@phil.vsu.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 02.02.2023; опубликовано (published): 31.03.2023.

Ключевые слова (keywords): провинциальная литература; переходные эпохи; культура; русская литература XX века; provincial literature; transitional periods; culture; Russian literature of the XX century.